

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОВМЕСТНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРФЕМНОГО ПОВТОРА И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Совместное функционирование морфемного повтора и синтаксического параллелизма в художественном тексте не является чем-то случайным или эпизодическим. Взаимодействие данных синтагматических явлений проявляется в их способности взаимно соотносить разнообразные сочетания слов, отличающиеся количественным составом, степенью полноты параллелизма, статусом повторяющейся морфемы, типом семантической связи между словами с общей морфемой. Реализуясь в самых разных формах, взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма является одним из механизмов порождения смысла в художественном тексте.

Ключевые слова: морфемный повтор, синтаксический параллелизм, динамический характер взаимодействия морфемного и синтаксического повтора, количественный состав параллельной структуры, семантическая соотносительность, антитетичные конструкции.

В настоящей статье рассматривается такое неизученное явление художественно-прозаического текста, как одновременное использование разных видов повтора – морфемного и синтаксического. Первый вид повтора, осуществляемый на морфемном уровне, получил в античной риторике название «гомеология» [1, с. 175, 198]. Второй вид повтора, относящийся к синтаксическому уровню, традиционно именуется синтаксическим параллелизмом [2, с. 424].

Анализ произведений английских и американских авторов показал, что факты совместного функционирования данных видов повтора представляют собой пусть и не широко распространенные, но отнюдь не единичные случаи. При этом синтаксическим параллелизмом могут охватываться слова с общей морфемой, имеющей разный статус – корневой и аффиксальной, свободной и связанной, истинной морфемы и квазиморфемы. Достаточно привести ряд примеров, чтобы в этом убедиться:

And if that is the case, then Lucy wasn't Willie's luck, or his unluck either (R. P. Warren, *All the King's Men*, p. 73);

He was a quick, slight child, with fine perceptiveness and a cool transitoriness in his interest (D. H. Lawrence, *The Rainbow*, p. 166);

He asked impossible things, he made terrible scenes (V. Woolf, *Mrs. Dalloway*, p. 203).

Важно оговорить, что в статье анализируется частичная итерация. Полный лексический повтор, подобный следующим случаям, из рассмотрения исключался:

As the grammar had shown him the tie-ribs of language, so this book showed him the tie-ribs of poetry <...> (J. London, *Martin Eden*, p. 66);

He wrote prodigiously, and he read prodigiously <...> (ibid, p. 226).

Следует заметить, однако, что приведенные примеры демонстрируют в целом общую законо-

мерность, а именно потенциальную способность любого повтора, как полного, так и частичного, морфемного, участвовать во взаимодействии с синтаксическим параллелизмом.

Вернемся к объекту рассмотрения данной статьи – совместному функционированию морфемного повтора и синтаксического параллелизма.

Двойная итерация – и компонентов слова, и синтаксической структуры – не оставляет сомнений в неслучайности сопряжения в одном контексте разноуровневых видов повтора. Даже учитывая общую тенденцию «все в тексте трактовать как неслучайное, системным образом взаимосвязанное» [3, с. 327], следует отметить явную преднамеренность, интенциональность увязывания разных видов повтора и размещения их на одном, обозримом участке текстового пространства. Это не воображаемое, а реальное единство, которое стремится стать эстетическим объектом, ведущими признаками которого являются самозначимость, замкнутость на самом себе и повышенная апперцептивность [4, с. 40; 5, с. 40–41].

Говоря о реальном соприсутствии в тексте морфемного и синтаксического повтора, следует отметить, что речь при этом идет не о простом сосуществовании этих феноменов, данных нам в реальности. Напомним, что реальность, этимологически увязываемая с вещностью (от лат. *res* – вещь), трактуется в настоящее время как идентифицируемая не только с веществом, субстанцией, но и «с действием, взаимодействием, динамической связью» [6, с. 79]. О взаимодействии элементов в произведении, об их динамической связи говорил Ю. Н. Тынянов: «динамическая форма образуется не соединением, не их слиянием», а «их взаимодействием»; между элементами произведения «нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции» [7, с. 28]. Эти же идеи о динамическом, а не

атомистически-механистическом объединении элементов формы развивались Я. Мукаржовским, подчеркивавшим в то же время, что все формальные элементы художественного произведения «являются носителями смысла» и «могут быть полностью поняты только с точки зрения целого» [8, с. 110, 114]. О связи формы и содержания в аспекте взаимодействия элементов формы говорится также в следующем утверждении: «именно взаимодействие (а не присутствие) элементов становится одним из механизмов смыслопорождения» [9, с. 72].

Вновь подчеркнем динамический характер взаимодействия слов, встречающихся в одном контексте, процитировав Ю. Лотмана: «Динамическая тенденция проявляется при соединении слов в ряды. Минимальной единицей, находящейся на грани статики и динамики, является пара слов» [10, с. 26].

Парные сочетания слов, объединенных морфемной общностью и синтаксическим параллелизмом, не редкость в рассматриваемом материале. Они могут иметь разную структуру. Ведущими словами, содержащими общую морфему, могут быть разные части речи: существительные, прилагательные, наречия, глаголы. Приведем соответствующие примеры:

Hitherto the proceedings had dragged along in the atmosphere of pompous dreariness, a musty staleness, like a secondhand law court (A. Cronin, *The Citadel*, p. 435);

This state of things should have been to me a paradise of peace, accustomed as I was to a life of ceaseless reprimand and thankless fagging <...> (Ch. Bronte, *Jane Eyre*, p. 32);

Could it be, she thought, that life could really come to this – that love could so utterly, so thoroughly die? (Th. Dreiser, *The Financier*, p. 437);

Sandel was his, indubitably his. He had outgeneraled him, outfought him, outpointed him (J. London, *Short Stories*, p. 277).

Помимо парных сочетаний в художественно-прозаическом тексте можно встретить конструкции из трех языковых единиц, связанных морфемным повтором и синтаксическим параллелизмом:

With the approach of Christmas the weather turned colder – crisp frosty days and still starry nights (A. Cronin, *The Citadel*, p. 202);

It was no mere pretentiousness, no silly snobbishness (ibid, p. 258).

В состав таких конструкций может входить и большее число единиц, включая служебные слова – артикли, предлоги, частицы:

She was thinking of him and the smartness of his habit, and the exquisiteness of this moment (Th. Dreiser, *The Financier*, p. 165);

I should still have my unblighted self to turn to; my natural unenslaved feelings with which to communi-

cate in moments of loneliness (Ch. Bronte, *Jane Eyre*, p. 575).

Разный количественный состав конструкций свидетельствует о способности морфемного повтора и синтаксического параллелизма объединять и взаимно соотносить самые разные сочетания слов. Отсутствие однообразия в данном отношении указывает также на активный, динамичный характер взаимодействия рассматриваемых видов повтора – морфемного и синтаксического.

Нетрудно увидеть преобладание аффиксальной – суффиксальной и префиксальной – итерации, сочетающейся с параллелизмом. Сказанное не означает отсутствия корневого повтора в параллельных структурах, о чем уже говорилось в начале статьи.

Но нельзя не заметить очевидного взаимного тяготения аффиксального повтора и синтаксического параллелизма. По всей вероятности, этому способствует такое общее свойство данных явлений, как симметричность, которая предполагает равномерное, сходное расположение частей, элементов фигуры, предмета (ФЭС, р. 413). В основе симметрии лежит делимость на равновеликие, пропорциональные части. И хотя абсолютная равномерность наблюдается далеко не всегда, общий принцип симметрии, соразмерности предстает во взаимодействии аффиксальной итерации и синтаксического параллелизма со всей очевидностью:

<...> the toughness went out of the face, the hardness out of the eyes; and the face, chastened and refined, was irradiated from an inner life of communion with beauty and knowledge (J. London, *Martin Eden*, p. 238);

It's about the opposition of teacher and student. It's about what gets rubbed off between the persistence of the one and the resistance of the other (G. Swift, *Waterland*, p. 239);

St. Midas' is the most expensive and the most exclusive boy's preparatory school in the world (F. S. Fitzgerald, *Selected Short Stories*, p. 32).

Все конструкции вне зависимости от количественного состава способны образовывать предложения самой разной структуры. Парные сочетания слов, объединенные морфемным и синтаксическим повтором, могут создавать повелительные и номинативные предложения:

For Heaven's sake, George, don't go to pieces this way. Be sensible! Be reasonable! (Th. Dreiser, *The Financier*, p. 263);

Aileen went out very solemn, and Butler went over to his desk and sat down. "Such a situation!" he said to himself. "Such a complication!" (ibid, p. 348).

Предложения, состоящие из трех и более слов, имеют, как правило, полносоставную структуру, включающую подлежащее и сказуемое. Интересно отметить, что именно в таких конструкциях чаще

всего встречается корневой повтор. Следует также подчеркнуть, что параллелизм в этом случае нередко носит практически полный характер:

I started it up for mother. She said she had no luck because father is unlucky, so I thought if I was lucky it might stop whispering (D. H. Lawrence, *Odour of Chrysanthemums and Other Stories*, p. 211);

Each roughness of speech was an insult to her ear, each rough phase of his life an insult to her soul (J. London, *Martin Eden*, p. 26).

Вместе с тем, отмечая способность морфемного повтора и синтаксического параллелизма взаимно объединять и соотносить как словосочетания, так и предложения, следует подчеркнуть все же явное количественное преимущество первых в общем массиве материала. При этом лидирующие позиции занимают двухсловные и трехсловные сочетания.

Взаимодействие разноуровневых видов повтора может проявляться в семантической соотносительности слов с общей морфемой, занимающих благодаря параллелизму одну и ту же синтаксическую позицию. В этом случае реализуется такое свойство повторения, как со-противопоставление, которое выявляет отличие в одинаковом и сходство в различном [11, с. 106]. Еще больше сказанное относится к повтору синтаксическому – параллелизму, части которого «воспринимаются как взаимно-аналогичные» [11, с. 95]. Одним из свойств параллелизма, при котором происходит – вследствие закона по аналогии – «проекция смысла одной конструкции на другую» [12, с. 238], является интеграция «самостоятельных частей высказывания как по признаку сходства, так и по признаку различия» [13, с. 167].

Ниже приведены примеры синонимической «переключки» (выражение Е. В. Клюева) слов с повторяющейся морфемой в синтаксически параллельных конструкциях:

I have come here, as I said, upon business; but, had I come looking for pleasure, I could not have been more displeased with my reception nor more dissatisfied with my company (R. L. Stevenson, *The Pavilion on the Links...* p. 322);

The feebleness of the man, the weakness of the man; the pass to which his cowardice had brought them both! (Th. Dreiser, *The Financier*, p. 382).

Взаимная соотношенность синонимов не только усиливает их семантическую общность (см. дефиниции в словарях OALD, MED), но и направляет читателя на поиски семантической разности. Таковой в приведенных парах является присущая только значению слова *displeased* сема «angry, indignant» (OALD) и приоритетная роль семы «especially because you are old or ill» в семантике прилагательного *feeble* (MED).

Нередко в тексте сопряжены слова, которые становятся контекстуальными синонимами в соот-

ветствии с принципом, согласно которому в художественном тексте благодаря высокой степени его когерентности всякие смежные единицы расцениваются как семантически сходные [3, с. 326–327]. В еще большей степени это характерно для языковых единиц, объединенных формальной общностью, что демонстрируют, в частности, слова с совпадающей морфемой. Тогда действует следующее правило: «Если в ряд, в строй поставить чужие, но сходно звучащие слова, они станут родственниками» [14, с. 416]. Примером такой контекстуальной синонимизации может служить следующее предложение с контактно-расположенными двухсловными параллельными конструкциями, содержащими слова с общей аффиксальной морфемой:

That was the devilish part of her – this coldness, this woodenness, something very profound in her; impenetrability (V. Woolf, *Mrs. Dalloway*, p. 68).

Их сближение возможно не только на формальной, но и на семантической основе, а именно вследствие метафорически переосмысленного значения, которое увязывает качество, присущее низкой температуре и дереву, с эмоциональной сферой человека и которое позволяет оценить эмоции как бесчувственные, недобрые, жесткие и т. п. Это можно вывести из таких компонентов семантики данных слов, как *unkind, unfriendly, without feeling, not cheerful* (см. дефиниции слова *cold*); *stiff, clumsy, awkwardly stiff, unbending* (см. дефиниции слова *wooden*) (OALD, MED, LDCE).

Вместе с тем, отмечая существенную роль синонимии во взаимодействии морфемного повтора и синтаксического параллелизма, следует подчеркнуть все же явное преобладание антонимических отношений между словами с тождественной морфемой, формирующими совместно с параллелизмом антитетичные конструкции [15]. Антитеза может передаваться взаимно соотносительными сочетаниями слов:

<...> she was never in the room five minutes without making you feel her superiority, your inferiority <...>. (V. Woolf, *Mrs. Dalloway*, p. 14);

In this book he copied out rude stories in the perky hand which was so like his voice and so unlike his figure (M. Dickens, *Flowers on the Grass*, p. 26).

Антитеза строится на основе предложений как предикативных структур:

You aren't positive, you're negative (D. H. Lawrence, *Sons and Lovers*, p. 111);

He agreed with his medical books when they said that this was typical of his disease, but he disagreed when they said it should not be indulged (M. Dickens, *Flowers on the Grass*, p. 99).

Антитеза может создаваться противопоставлением узуальных антонимов, содержащих общую сему в своем значении:

It is true that in exact proportion as he became manageable by Kit he became utterly ungovernable by anybody else <...> (Ch. Dickens, The Old Curiosity Shop, p. 329).

В приведенном предложении в семантике слов с общим суффиксом наличествует семантический компонент control, выявляемый в дефинициях корневых морфем manage и govern (см. словари OALD, MED).

Антитеза может создаваться противопоставлением контекстуальных антонимов, не имеющих общих сем в значениях, о чем свидетельствуют словарные дефиниции (см. словари OALD, MED):

If I am the chief of sinners, I am the chief of sufferers also (R.L. Stevenson, The Pavilion on the Links <...>, p. 146).

Приведенные примеры со всей убедительностью подтверждают тезис Ш. Балли о взаимодействии языковых единиц не только в парадигматическом, но и синтагматическом отношении, не только в системе языка, но и в реальном функционировании: «И все же постоянное употребление языка показывает, что наша мысль фактически неустанно ассимилирует, сравнивает и противопоставляет элементы языкового материала и что, как бы ни были эти элементы различны между собой, они не просто сопоставляются в памяти, а взаимодействуют друг с другом, взаимно притягиваются и отталкиваются и никогда не остаются изолированными; такая непрерывная игра действия и противодействия приводит в конце концов к созданию своего рода единства, всегда временного, всегда обратимого, но реального» [16, с. 30].

Ранее, рассуждая о динамическом характере соединения языковых единиц в речевой цепи, об их взаимодействии при функционировании, мы говорили о важнейшей роли смысла, порождаемого и передаваемого этим взаимодействием. Речь при этом идет не о попытках приписать какое-то определенное, общее значение, которое следовало бы навсегда привязать к рассматриваемому явлению – совместному функционированию разноуровневых видов повтора. В отношении такого позитивистски-конкретного взгляда на связь формы и содержания ясно выразился Л. В. Щерба, рассуждавший о толковании стихотворений Пушкина и Лермонтова: «Я вовсе не хочу сказать, чтобы здесь рисовался какой-либо конкретный образ; наоборот, всякая попытка чересчур конкретизировать этот образ оказывается неприятной, пошлой...» [17, с. 42].

Признавая аксиоматичность положения об отсутствии взаимодозначной связи между формой и содержанием, можно попытаться уловить общие тенденции, свидетельствующие о своеобразии участия рассматриваемого феномена – одновременно функционирования морфемного повтора и син-

таксического параллелизма – в порождении определенного смысла.

Весьма заметную роль в этом играет выявленная ранее семантическая соотносительность слов с общей морфемой, а именно их синонимичность или антонимичность, и системно-языковая, и контекстуально обусловленная. Так, в следующем предложении с помощью градуированных синонимов отражается возрастающее чувство неловкости и отчуждения, которое охватывает героиню, некогда оставленную возлюбленным. Сцена их встречи описывается глазами Пола, который видит, как Мириам цепенеет, буквально деревенеет, будучи не в силах справиться со своими чувствами:

A sort of stiffness, almost of woodenness, had come upon her (D. H. Lawrence, Sons and Lovers, p. 362).

Такие же градуированные, но уже иные синонимы у того же автора представляют отношение дочери к отцу, тянущейся к нему, а не к матери:

All her life was directed by her awareness of him, her wakefulness to his being (D. H. Lawrence, The Rainbow, p. 184).

Можно заметить общую для разных авторов тенденцию размещать синонимичные слова в порядке возрастания степени интенсивности:

“You will not come? – You will not be my comforter, my rescuer?” (Ch. Bronte, Jane Eyre, p. 405);

An ageless dignity, a timeless gallantry still clung about them and would cling until they died <...> (M. Mitchell, Gone with the Wind, p. 592).

Как уже отмечалось, существенное место во взаимной соотносительности слов с общей морфемой, охватываемых синтаксическим параллелизмом, занимает семантическое противопоставление. Так, в следующем предложении антонимичные слова выражают противоречие между действительным положением дел и тем, что думает об этом герой рассказа Д. Лоуренса «Прусский офицер»:

It was there, inevitable. And then, he thought, it was impossible (D. H. Lawrence, Odour of Chrysanthemums and Other Stories, p. 90).

Невозможно даже представить себе те издевательства и побои, которым подвергался молодой денщик со стороны своего хозяина, капитана прусской армии. Но это невозможное неотвратимо и неизбежно, как наступающий день. Безысходность невыносимого положения подчеркивается эпитетическим расположением антонимов. Напомним в этой связи о неизбежности, предопределенности, трагической окраске, ассоциируемой с эпитетом [18, с. 289].

Весьма состоятельная клиентка доктора Эндрю Мэнсона беззастенчиво использует его, чтобы заполнить пустоту своей жизни. Его визиты – это только повод для ее пустых и бессодержательных монологов:

Her range of conversation was limited. But the range of her relations was unlimited, and it was of them, mostly, that she talked (A. Cronin, *The Citadel*, p. 289).

Попутно заметим, что эпифора и здесь указывает на неизбежность явления. Будучи недовольным самим собой, потакая абсолютно здоровой, но хорошо оплачивающей свои прихоти клиентке, Мэнсон знает, что не сможет отказать ей в дальнейших визитах.

Приведем пример встраивания антонимов в схему параллелизма, принимающую весьма причудливую форму сочетаний повторяющихся частей:

Her eyes appeared to regard him out of many thousand years: all emotion she might have felt, all words she might have uttered, would have seemed inadequate beside the adequacy of her silence, ineloquent against the eloquence of her beauty – and of her body, close to him, slender and cool (F. S. Fitzgerald, *The Beautiful and Damned*, p. 85).

Причудливая форма призвана отразить необычное содержание, а именно уникальный образ героини, сотканный из противоречий: выразительными были не ее слова, а молчание, красноречивой – не ее речь, а красота.

Говоря о невозможности приписать изучаемому явлению некий единый смысл, нельзя вместе с тем не увидеть той общей черты, что присуща всем случаям совместного функционирования морфемного повтора и синтаксического параллелизма. В нем заложена интенция привлечь внимание читателя к выделенным единицам, что достигается как повторением, так и синонимическим сближением или антонимическим противопоставлением. Благодаря этому восприятие задерживается, сосредоточивается на данном фрагменте текста, и он от «оказывающегося в сознании» переходит в другое качество – становится «актуально осознанным» [19, с. 160], а значит, апперцепируемым, т. е. осмысленным (ФЭС, р. 26). Нелишне в этой связи напомнить, что осмысление некоего явления, его анализ «возможен только при способности сосредоточиться», отключившись на какое-то время от других раздражителей [20, с. 233]. Именно такому сосредоточению, ведущему в итоге к осмыслению содержания текста, и содействует совместное функционирование морфемного повтора и синтаксического параллелизма.

Итак, одновременное использование морфемного повтора и синтаксического параллелизма не является чем-то случайным, не поддающимся ни-

каким закономерностям. Встречаемость этих явлений в рамках одного контекста нельзя свести к простому соединению равноуровневых видов повторения. Их совместное функционирование демонстрирует взаимную соотнесенность, взаимодействие, что позволяет говорить о динамическом характере их взаимной связи. Это находит свое отражение в разнообразных формах взаимодействия рассматриваемых явлений, не сводимых к одной формуле или шаблону.

Морфемный повтор и синтаксический параллелизм способны объединять и взаимно соотносить самые разные сочетания слов. Это проявляется прежде всего в их разном морфемном строении, включающем разные повторяющиеся морфемы: корневые и аффиксальные, истинные, связанные и псевдоморфемы. При этом следует отметить взаимное тяготение синтаксического параллелизма и аффиксальной итерации, обладающей наибольшей способностью создавать симметричные параллельные структуры.

Морфемный повтор и синтаксический параллелизм, взаимодействуя друг с другом, объединяют самые разные по количественному составу словосочетания, к наиболее распространенным из которых относятся сочетания из двух и трех языковых единиц.

Морфемный повтор и синтаксический параллелизм способны объединять как словосочетания, так и предложения при явном преобладании первых.

Взаимодействие рассматриваемых видов повтора – морфемного и синтаксического – находит свое проявление также в разной семантической соотнесенности слов с тождественной морфемой, занимающих общую благодаря параллельности конструкций позицию.

Их могут связывать и синонимические, и антонимические отношения, как узуальные, так и контекстно обусловленные. При этом следует отметить очевидное преимущество антонимической связи, участвующей в создании антитетичных конструкций.

Реализуясь в самых разных формах, демонстрируя в этом плане значительное разнообразие, взаимодействие морфемного повтора и синтаксического параллелизма прежде всего участвует в процессе смыслопорождения, формирования содержания текста. Обладая способностью привлекать внимание, направлять это внимание на себя как на элемент формы, повтор – и морфемный, и синтаксический – побуждает читателя к активным поискам содержания, смысла, порождаемого этой самой формой.

Список литературы

1. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009. 432 с.
2. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов-н/Д: Феникс, 2006. 630 с.
3. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 560 с.
4. Энгельгардт Б. М. Избранные работы. СПб.: СПбГУ, 1995. 328 с.
5. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры: монография. Хабаровск: ДВГУ, 2006. 392 с.
6. Говинда Л. А. Искусство и медитация. Параллелизм между искусством и медитацией // Психология художественного творчества: хрестоматия. Минск: Харвест, 2003. С. 70–91.
7. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965. 304 с.
8. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Иск-во, 1994. 606 с.
9. Фоменко И. В. Практическая поэтика. М.: Академия, 2006. 192 с.
10. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
11. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. СПб.: Иск-во, 2001. С. 17–252.
12. Ключев Е. В. Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: Приор, 2001. 272 с.
13. Гальперин И. Р. Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.
14. Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
15. Карпухина Т. П. Отношения антонимии между словами, связанными морфемным повтором в английской художественной прозе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Вып. 4(55). 2006. С. 110–118.
16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: ИЛ, 1955. 416 с.
17. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
18. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. 320 с.
19. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
20. Саямон Л. О. О физиологии эмоционально-эстетических процессов // Психология художественного творчества: хрестоматия. Минск: Харвест, 2003. С. 215–233.

Список использованных словарей

1. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 2001. 576 с.
2. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. В 2 т. М.: Русский язык, 1992. Т. 1. 626 с.; Т. 2. 1229 с.
3. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Publishers, 2005. 1690 p.
4. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Lnd: Oxford University Press, 1970. 1200 p.

Карпухина Т. П., доктор филологических наук, профессор кафедры.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет.
Ул. Карла Маркса, 68, Хабаровск, Россия, 680000.
E-mail: artemij1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 01.08.2012.

T. P. Karpukhina

SPECIFIC FEATURES OF CO-OCCURRENCE OF MORPHEMIC REPETITION AND SYNTACTICAL PARALLELISM IN ENGLISH ARTISTIC PROSE

Contextual co-occurrence of morphemic repetition and syntactical parallelism in English fiction is by no means an exception. Interrelation of these syntagmatic phenomena reveals itself in the diversity of word combinations specifically correlated as to the following features: the number of constituents, the extent of syntactical parallelism, the linguistic status of the reiterated morpheme, the type of semantic ties between the morphemically related constituents. The interrelation considered is not a mere interplay of the twofold reiteration – on the morphemic and the syntactical level but primarily it is a most important means of carrying the meaning.

Key words: *morphemic repetition, syntactical parallelism, dynamic character of the interrelation of morphemic and syntactical repetition, the number of constituents in a parallel structure, semantic relationships, antithetical structures.*

Far Eastern State University of Humanities.
Ul. K. Marksa, 68, Khabarovsk, Russia, 680000.
E-mail: artemij1@rambler.ru